

КАУДИЛЬИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН С ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

© 2020 г. А. Резников

Э.С. ДАБАГЯН. Венесуэла: движение по спирали. Авторитаризм vs демократия. Политические процессы в XX – начале XXI веков. (Институт Латинской Америки РАН). Москва, “ПЛ ИЛА РАН”, 2020. 104 с.

РЕЗНИКОВ Александр Борисович, кандидат экономических наук, независимый консультант по международным политическим и социально-экономическим вопросам (alexrez52@gmail.com).

Рецензия поступила в редакцию 31.05.2020.

Ключевые слова: каудильизм, диктатура, демократия, Венесуэла, Латинская Америка, конституция, зрелость гражданского общества, узурпация власти.

Рецензируемая работа известного российского латиноамериканиста Э.С. Дабагяна посвящена каудильизму. Это один из традиционных феноменов внутривнутриполитической жизни большинства стран Латинской Америки, в частности Венесуэлы, присущий этапу новейшей истории. Автор намеренно сужает поле исследования определенными географическими рамками, предоставляя читателю возможность экстраполировать как само это явление, так и связанные с ним процессы, на другие государства и континенты. Действительно, перипетии внутривнутриполитической жизни Венесуэлы, к тому же не оказывающей серьезного влияния на ход мировой истории, могут показаться несущественными. Однако результаты научного поиска Э.С. Дабагяна важны именно потому, что они актуальны не только для Венесуэлы как таковой, но и для некоторых государств, подчас не имеющих ничего общего ни с этой страной, ни с Латинской Америкой.

И в самом деле, следы каудильизма можно обнаружить везде – в Латинском регионе, в Юго-Восточной Азии, в Африке и даже в Европе, несмотря на то что большинство европейских стран давно и бесповоротно встали на путь демократического развития. Тем не менее Э.С. Дабагян стремится обозначить именно латиноамериканскую природу каудильизма (название этого феномена имеет испаноязычные корни), придать ему своего рода местный колорит. С этим можно согласиться, принимая во внимание такие специфические региональные процессы, как борьба местных элит за самоопределение, роль армии в обществе, латифундизм с его системой патриархально-авторитарных отношений, оказавший большое влияние на положение и психологию народных масс, наконец, их традиционная наивно-патриархальная

вера в “провиденциальные”, “избранные” личности. Но даже если считать каудильизм чисто “латиноамериканским” явлением, то следует отметить, что он никогда не существовал *per se*: как известно, в ходе политического развития стран в разных частях света часто возникали такие формы общественного устройства, как вождизм и авторитаризм. Хотелось бы понять, есть ли разница между этими тремя формами, и если да, то в чем она заключается? Или, иными словами, в чем состоит именно латиноамериканская специфика каудильизма как разновидности общего явления? Здесь, думается, есть поле для более углубленного исследования.

Справедливости ради следует отметить, что автор рецензируемой работы посвятил теоретическому рассмотрению латиноамериканского каудильизма целую главу. Как указывает исследователь, данный социальный феномен связан с выдвижением на политическую арену сильной личности, пользующейся неограниченной властью в той или иной сфере. И если на рубеже XVIII–XIX вв., когда бывшие испанские и португальские колонии боролись за независимость, титул каудильо присваивался руководителю группы борцов за свободу, то в дальнейшем это понятие трансформировалось, приобрело иной смысл и стало обозначать непрекаемого лидера, безраздельно доминирующего на определенной территории. Но дальше больше: любой авторитарный правитель, способный возглавить окружение или подавить его, стал именоваться каудильо. Как отмечает Э.С. Дабагян, в процессе консолидации государств появились лидеры иного типа, выступающие за централизацию власти, против сепаратизма и национализма. Иными словами, речь шла уже об особой системе правления, характеризующейся персонализацией

власти (с. 7). Идеологом этого направления стал известный венесуэльский социолог Лауреано Вальенилья Ланс, живший и работавший в период правления типичного “каудильо венесуэльского розлива” Хуана Висенте Гомеса, находившегося на вершине власти с 1908 по 1935 г. Перу Л. Вальенилья Ланса принадлежит фундаментальный труд “Демократический цезаризм”, на котором Э.С. Дабагян останавливается подробно как на работе, послужившей теоретическим обоснованием необходимости существования диктаторского режима в Венесуэле того периода. Л. Вальенилья Ланс высказывает мысль о том, что только при мудром правителе — цезаре — могут быть обеспечены благосостояние и процветание народных масс, раскрыт дремлющий в народе стихийный потенциал социального эгалитаризма. В противном же случае наступают анархия и смута. Если экстраполировать основные положения труда венесуэльского социолога на исторический опыт других стран, то получается, что социальный прогресс может быть достигнут исключительно в условиях диктатуры. У этой теории и сегодня немало сторонников как в Латинской Америке, так и далеко за ее пределами. Однако события новейшей истории ярко демонстрируют, к чему может привести (и уже приводила) эта глубоко ошибочная, вредная концепция. Любопытно, что в стремлении обосновать необходимость и “полезность” каудильизма венесуэльский теоретик дошел до парадоксального утверждения, согласно которому сам идеолог латиноамериканской борьбы за независимость Симон Боливар был не кем иным, как основоположником теории “демократического цезаризма”. Выведенный Л. Вальенильей Лансом так называемый закон боливаризма гласил: “Исторический опыт всех или почти всех испаноамериканских республик свидетельствует, что социальный порядок, политическая стабильность, прогресс и экономическое процветание могут быть гарантированы длительным пребыванием у власти влиятельной личности...”¹. На самом же деле С. Боливар отстаивал прямо противоположные взгляды: именно ему принадлежит сакраментальная фраза, ставшая своего рода наказом для соотечественников: “Бегите из страны, где полнотой власти обладает лишь один человек. Это — страна рабов”².

Автор рецензируемой монографии периодически обращается к работам выдающегося латиноамериканиста А.Ф. Шульговского, который в одной из своих теоретических статей под названием «Теория “демократического цезаризма” и венесуэльская

действительность» (1967 г.) писал, что работа Л. Вальенилья Ланса стала “своего рода Евангелием не только для диктаторов Венесуэлы, но и для тиранов других латиноамериканских стран”³. Еще бы: ведь венесуэлец преследовал цель дать авторитаризму теоретическое обоснование, привить массам мысль о том, что демократию воплощает и осуществляет некий мудрый государственный — цезарь, озабоченный нуждами народа. А многочисленная верная челядь призвана всего лишь помогать претворять эту высокую миссию в жизнь (с. 20). Именно эта платформа расчищала путь к власти таким типичным каудильо, как Х.В. Гомес.

Надо сказать, что взгляды Л. Вальенилья Ланса разделяли не все. Э.С. Дабагян приводит и другие точки зрения, ссылаясь, например, на позицию Хулио Саласа, автора работы “Цивилизация и варварство”, который выступал категорически против абсурдного и варварского режима упомянутого выше каудильо. По мнению Х. Саласа, этот режим тормозил прогресс, сковывал творческий потенциал масс в угоду привилегированному меньшинству. “Когда над народом нависает опасность гибели, священная обязанность каждого — бить в набат. Подчиняться и трусливо молчать — не только проявление слабости, но и преступление перед людьми”, — писал Х. Салас⁴. Похожую позицию занимал и историк Марио Брисеньо-Ирагорри, непримиримый борец с тиранией, отвергавший пессимистические теории о неспособности масс преодолеть недостатки без лидера и утверждавший, что “все народы без исключения могут возвыситься до самых героических поступков, до полного расцвета всех своих способностей”⁵.

Во второй главе Э.С. Дабагян выходит на континентальный уровень, подчеркивая, что каудильизм как феномен может проявляться в различных формах в зависимости от социально-политических и исторических условий каждой страны. Приводятся примеры жестокого правления (1930–1961 гг.) Рафаэля Леонидаса Трухильо в Доминиканской Республике; разнузданные действия “Тонтон макутов” на Гаити (военизированные формирования и ультраправая политическая группировка) в период пребывания у власти клана Франсуа Дювалье; правление Порфирио Диаса в Мексике (1877–1880 и 1884–1911 гг.) — автора знаменитой фразы “Для моих друзей — все, а для врагов — суд” (с. 14). Кстати сказать, вопрос о том, можно ли считать каудильизмом практику

¹ Vallenilla Lanz. L. *Obras completas. Tomo I. Cesarismo democrático. Estudios sobre las bases sociológicas de la constitución efectiva de Venezuela*. Caracas, 1952, pp. 93–94.

² *Collection of Simon Bolívar's Quotes*. Available at: https://www.aquotes.com/author/19660-Simon_Bolivar (accessed 14.05.2020).

³ Шульговский А.Ф. Теория “демократического цезаризма” и венесуэльская действительность (Социологические заметки). *Венесуэла. Экономика, политика, культура*. Под ред. С.А. Гонионского. Москва, “Наука”, 1967, с. 110.

⁴ Salas César. J. *Civilización y Barbarie: Estudios Sociológicos Americanos* (Spanish Edition). BiblioLife, Charleston, 2009, 200 p.

⁵ Briceño-Iragorri M. La tragedia de Peñalver. *Revista Nacional de Cultura*. Caracas, 1951, no. 84, pp. 232–233.

Институционно-революционной партии Мексики, доминировавшей на политической арене страны с 60-х годов прошлого века, представляется спорным. Ведь даже при том, что ушедший президент определял преемника и, соответственно, во время выборов альтернативы не было, речь все же не шла об узурпации власти одним лицом. Дело было, скорее, в политическом доминировании одной партии, что, на наш взгляд, не вполне подпадает под классическую трактовку понятия “каудильизм”.

Автор рецензируемой работы уделяет внимание историческому опыту Аргентины, в определенном смысле схожему с венесуэльским. Применительно к Аргентине Э.С. Дабагян указывает на непотизм как на одну из черт каудильизма. Однако наиболее характерной особенностью этого феномена, на наш взгляд, является стремление национального лидера продлить срок своего правления на максимальное количество лет (об этом подробно говорится в следующих главах). Это отчетливо проявилось в Колумбии, находившейся в состоянии внутреннего вооруженного конфликта, когда президент Альваро Урибе (годы правления 2002–2010) попытался воспользоваться определенными успехами в деле борьбы с партизанами в целях продления срока своего пребывания на посту президента вопреки положениям Основного закона. Но — к чести колумбийского общества — демократические принципы государственного устройства оказались довольно зрелыми, поэтому амбиции А. Урибе не реализовались (с. 15). Аналогичную попытку предпринял Альберто Фухимори в Перу. Он пошел дальше своего колумбийского коллеги, решившись на перекраивание Конституции в угоду своим интересам. Однако и его попытка оказалась безуспешной. Более того, в итоге перуанский претендент на неограниченную власть попал за решетку.

Далее речь идет о Кубе, которую в течение десятков лет после свержения режима Фульхенсио Батисты возглавлял Фидель Кастро. При нем установился режим личной власти, который в известной степени тоже можно причислить к каудильистскому, поскольку на протяжении длительного времени все основные решения, определявшие жизнь страны, фактически принимал один человек. Среди других примеров — Эквадор, Боливия и Никарагуа. Что характерно: за исключением Никарагуа (и, естественно, Венесуэлы, о которой речь пойдет ниже) в Эквадоре и Боливии, как в Колумбии и Перу, в итоге возобладали демократические принципы. Это позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что если вплоть до конца прошлого века каудильизм в Латинской Америке мог так или иначе “рассчитывать” на незрелость гражданских институтов власти, то на рубеже XXI в. положение в странах региона, пусть медленно и не без откатов назад, но неотвратимо меняется в сто-

рону демократии. Удержаться у власти становится делом все более проблематичным, непосредственно зависящим от способности того или иного лидера внести изменения в конституцию или удачно спекулировать на забитости и аполитичности народа. Как в этой связи заявил Ленин Морено, преемник Рафаэля Кальдеры на посту президента Эквадора, “власть, к сожалению, — это наркотик, пьянящий и возбуждающий человека, который с каждым разом становится более авторитарным, склонным к конфронтации и коррупционным схемам”⁶.

Традициям узурпации власти или всего лишь некоторым откатам политического процесса в сторону каудильизма в ряде стран региона Э.С. Дабагян противопоставляет опыт Чили и Уругвая, где с диктатурами, похоже, покончено навсегда. В определенной степени это же можно отнести и к современной Аргентине. И здесь автор поднимает весьма актуальный вопрос о незыблемости Основного закона, об уважении зафиксированных в нем принципов. С одной стороны, пишет исследователь, Конституция — это не “священная корова”. С другой стороны, перегружать этот документ, стремясь отразить в нем бесконечные нововведения, относящиеся к политической системе, тоже недопустимо.

Далее Э.С. Дабагян возвращается к историческому опыту Венесуэлы, подробно останавливаясь на диктатуре упоминавшегося выше Х.В. Гомеса. Не успело венесуэльское общество той поры оправиться от авторитаризма предшественника — Сиприано Кастро, в 1899 г. тоже пришедшего к власти незаконным путем, — как бразды правления перехватил его вице-президент Х.В. Гомес. Он укрепил централизованное государство, положив конец сепаратистским тенденциям, наладил властную вертикаль, поставил под полный контроль вооруженные силы. На ключевые должности назначались преданные президенту лица, контролировавшие приток средств в казну, в том числе полученные за счет эксплуатации природных ресурсов. Важно отметить, что именно в этот период началось сращивание авторитаризма с буржуазией, наживавшейся на добыче углеводородного сырья. Как писал А.Ф. Шульговский, «...превращение Венесуэлы в страну нефти постепенно приводило к тому, что диктатура Гомеса теряла свой “патриархальный” характер, превращалась в орудие защиты интересов иностранных компаний»⁷. Доходы от добычи

⁶ *Ecuador's President Lenin Moreno Tries to Bury the Legacy of his Predecessor*. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2018/02/02/ecuadors-president-lenin-moreno-tries-to-bury-the-legacy-of-his-predecessor> (accessed 14.05.2020).

⁷ Шульговский А.Ф. Теория “демократического цезаризма” и венесуэльская действительность (Социологические заметки). *Венесуэла. Экономика, политика, культура*. Под ред. С.А. Гонионского. Москва, “Наука”, 1967, с. 111.

нефти позволяли создать многочисленный слой паразитирующей бюрократии и “группы поддержки” из числа журналистов, писателей и социологов. С тех пор нефть стала определять не только характер экономики, но и политическую философию местного истеблишмента.

Идеологическим обрамлением диктатуры служила все та же теория “демократического цезаризма”, о которой говорилось выше. Давая образную и емкую характеристику действительности тех лет, венесуэльский ученый Рафаэль Гальегос Ортис подчеркивал: “Гомес отрезал нас от цивилизации. Венесуэла представляла собой потерянную главу истории. Политические свободы, синдикализм, всеобщее голосование, свобода мысли пришли к нам поздно, словно в повозке, запряженной буйволами. В то время как другие страны пользовались плодами демократии, мы прозябали в условиях примитивного диктаторского застоя”⁸.

Автор рецензируемой работы довольно много внимания уделяет длительному процессу перехода к “передаче народу его суверенитета”, который растянулся в Венесуэле на десятилетия. В период между 1935 и 1952 гг. происходили интенсивное партийное строительство и сращивание политического руководства с армейскими кругами в процессе создания нового центра политической силы. При всех издержках того непростого времени его можно охарактеризовать как период относительного демократического развития, характеризовавшийся принятием новой Конституции, проведением прогрессивной аграрной реформы и масштабных мероприятий по повышению уровня жизни широких слоев населения.

Однако демократические структуры были еще слишком слабыми, чтобы поставить надежный заслон на пути возвращения к каудильзму. В 1952–1958 гг. власть в стране оказалась в руках очередного диктатора – Маркоса Переса Хименеса. Характерно, что одним из столпов новой власти стал министр внутренних дел Лауреано Вальенсия – сын творца теории “демократического цезаризма”, развивавший идеи отца в изменившихся условиях. Диктатура в еще большей степени опиралась на нефтяную олигархию, тесно связанную с иностранным капиталом и зависящую от него. Другими нововведениями каудильзма в “исполнении” П. Хименеса были использование вооруженных отрядов люмпенов для подавления любого сопротивления и ликвидации профсоюзного движения, низведение синдикализма до уровня простого проводника решений правительственной администрации.

Однако ростки демократии, посеянные в предшествующие десятилетия, все же дали всходы. В ян-

⁸ Gallegos Ortiz R. *La historia política de Venezuela. De Cipriano Castro a Pérez Jiménez*. Caracas, 1960, p. 158.

варе 1958 г. режим пал, открыв дорогу демократии, которая, казалось бы, окончательно воцарилась на политическом Олимпе Венесуэлы. В январе 1961 г., в третью годовщину свержения диктатуры, вступила в силу очередная Конституция, согласно которой законодательная власть и глава государства сменялись каждые пять лет, причем уходящий президент не имел права выдвигаться на второй срок. Данное правило неукоснительно соблюдалось в течение последующих четырех десятилетий. Впрочем, не обошлось без конституционной поправки, благодаря которой Карлос Андрес Перес в бытность президентом страны от партии Демократическое действие вторично стал президентом в 1989 г.

И все же хрупкая венесуэльская демократия оказалась слишком слабой, чтобы суметь себя защитить. Невероятно – по меркам страны – демократичное решение, принятое в 1994 г. законно избранным президентом Рафаэлем Кальдеро, помиловать участников (в частности, У. Чавеса) неудавшегося военного переворота, не дожидаясь вердикта судебной инстанции, не только оказалось рискованным шагом, но и во многом определило динамику политических процессов в стране на десятилетия вперед. Страна, с трудом выбравшаяся из трясины каудильзма, постепенно снова вставала на рельсы тоталитарного правления. Однако в этот раз демонтаж демократических традиций и институтов был связан с тремя новыми факторами – харизматической личностью У. Чавеса, легитимно избранного в 1998 г. главой государства, его популярностью с опорой на низы и, что, пожалуй, главное, – пересмотром Конституции.

Основная цель вдохновителей ревизии Основного закона заключалась в создании базы для продления срока президентского правления с пяти до шести лет, а также для немедленного переизбрания президента на второй срок. Неслучайно У. Чавес считал все предшествующие 40 лет демократии потерянными для истории, а доставшуюся ему в наследство Конституцию “умирающей” (с. 38). В конце июля 2000 г. состоялись президентские выборы, на которых он вновь добился успеха, получив 59% голосов. А в феврале 2009 г. на референдуме относительным большинством (54.86%) принимается поправка в Конституцию, позволявшая первому лицу баллотироваться на высший пост неограниченное количество раз (с. 38–39). Так в Венесуэле был дан старт каудильзму нового типа – популистскому, с социалистической риторикой и опорой на низы, но от этого не менее узурпаторскому.

У. Чавес находился у власти более 14 лет, но отказываться от нее не собирался. В 2006 г. он попытался обосновать свое желание остаться главой

государства на десятилетия вперед правом народа переизбирать любого соотечественника неограниченное количество раз. Двумя годами позже ново-явленный каудильо заявил: “Если Бог дарует мне жизнь и здоровье, я буду с вами до 2021 года”⁹. Выступая за продление собственных полномочий, У. Чавес вместе с тем категорически отметал возможность продления мандата губернаторов и мэров городов, что свидетельствовало о его одержимости единоличной властью.

Однако в далеко идущие планы венесуэльского президента, как известно, вмешалась судьба. Безвременная кончина этого харизматичного лидера в марте 2013 г. поставила на повестку дня вопрос о досрочных выборах. Правящая партия единодушно, без всякого избирательного процесса выдвинула на пост президента Николаса Мадуро – соратника усопшего У. Чавеса, которого тот, собственно, и рекомендовал. Располагая несопоставимо более мощными ресурсами, чем кандидат от оппозиции Энрике Каприлес, Н. Мадуро одержал победу в электоральной кампании 2013 г. с минимальным отрывом, поскольку, в отличие от соперника, не имел сколько-нибудь оригинальных идей относительно дальнейшего развития страны. Впоследствии, как показывает Э.С. Дабагян, борьба между правившим режимом и оппозицией только обострялась. В рамках этой борьбы у каудильизма, персонифицированного теперь уже в лице Н. Мадуро, проявились новые черты. Речь идет о манипулировании процессом сбора подписей в целях нейтрализации легитимного инструмента борьбы, которым собиралась воспользоваться оппозиция; о лишении ведущих оппозиционеров политических прав, а главное – о создании Национальной конституционной ассамблеи (*Asamblea Nacional Constituyente, ANC*) в противовес законно избранному парламенту – Национальной ассамблее (*Asamblea Nacional, AN*) в целях якобы упрочения позиции народа как суверена и в первую очередь – рабочего класса. При этом партии лишались представительства в этом параллельном органе, наделенном к тому же исключительными полномочиями. По сути, *ANC* была призвана играть роль “троянского коня” – организации, подчиненной президенту и неукоснительно выполняющей его указания (в отличие от неподконтрольной главе государства *AN*).

Так Венесуэла в одночасье превратилась в уникальную страну, где стали сосуществовать (и соперничать друг с другом) два высших законодательных органа – *AN*, избранная демократическим путем, и *ANC*, созданная по принципу квот, без участия

политических партий. Как справедливо указывает Э.С. Дабагян, до этого своеобразного “ноу-хау” Н. Мадуро не додумался ни один из прежних каудильо. Неслучайно *ANC* практически не признается международным сообществом.

Еще один ресурс каудильо нового типа – это имитация налаживания диалога с оппозицией в стремлении выиграть время, чтобы обеспечить более прочную поддержку режима. В качестве примера Э.С. Дабагян приводит бесплодные переговоры, проведенные в Доминиканской Республике, и встречи под эгидой Папы Римского в 2017–2018 гг. Все эти внешние усилия не привели к достижению компромисса, что, на наш взгляд, только подтверждает подозрения оппозиции относительно попыток правящего режима тянуть время.

Еще одно новое проявление каудильизма – манипуляция со сроками проведения президентских выборов. Выборы, запланированные на май 2018 г., вопреки закону были перенесены на более ранний срок. Это было выгодно исполнительной власти, полагавшей, что в условиях ухудшавшейся социально-экономической ситуации важно провести выборы, пока экономика окончательно не рухнула. И хотя в голосовании приняли участие только 46.07% граждан, чего недостаточно для признания электорального процесса состоявшимся, результаты волеизъявления граждан были объявлены легитимными. Как и ожидали авторитетные аналитики и как отмечает автор рецензируемой работы, нынешний глава государства получил 67.76% голосов и, соответственно, право оставаться в занимаемом кресле вплоть до 2025 г.

Итак, применительно к Венесуэле, как мы видим, каудильизм не сошел с политической сцены. Напротив, он модифицировался и усложнился в соответствии с “велением времени”. Речь идет о необыкновенной живучести этого феномена, какими бы ни были политический фасад и риторика властей. Поразительно, но, несмотря на многочисленные попытки прогрессивной общественности изменить ситуацию к лучшему, богатая минеральными ресурсами страна, имеющая немалые демократические традиции, никак не может окончательно “излечиться” от хронической болезни под названием “каудильизм”.

Рецензируемая работа, несомненно, вносит существенный вклад в понимание природы каудильизма. Безусловно, обстоятельства его появления и дальнейшие метаморфозы в ходе политического развития венесуэльского общества имеют свою специфику. Можно говорить и об особенностях, предопределивших устойчивость каудильизма в новейшей политической истории и других латиноамериканских стран. Однако ни Венесуэла, ни Латинская Америка в целом не существуют изоли-

⁹ Factbox: Quotes from Venezuelan leader Hugo Chavez. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-chavez-quotes/factbox-quotes-from-venezuelan-leader-hugo-chavez-idUSBRE92418R20130305> (accessed 13.05.2020).

рованно, особенно сегодня, в эпоху информации и транспарентности. Именно это обстоятельство, как представляется, делает работу Э.С. Дабагыана актуальной и своевременной. В заключение хотелось бы пожелать автору продолжить исследование с тем, чтобы глубже рассмотреть природу совре-

менного каудильизма, раскрыть его тактические приемы и выделить отличительные черты, делая упор не столько на социально-экономических и культурно-этнических особенностях Латинской Америки, сколько на социально-политической природе этого феномена.

CAUDILLISM: A HISTORIC PHENOMENON WITH THE LATINOAMERICAN FLAVOR

[Review of the book: Dabagyan E.S. Venezuela: a spiral movement. Authoritarianism vs democracy. Political processes in the XX – beginning of the XXI century. (IAL RAS) Moscow, PL IAL RAS 2020. 104 c. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 133-138)

Received 31.05.2020.

Alexander B. REZNIKOV (alexrez52@gmail.com),

Independent Advisor on the International Political and Socio-Economic Issues.

Keywords: caudillism, dictatorship, democracy, Venezuela, Latin America, constitution, maturity of civil society, usurpation of power.

About author:

Alexander B. REZNIKOV, Cand of Sci. (Economic Sci.).